

Предисловие от Вадима Зеланда

Может ли любовь жить там, где ей жить невозможно?

Может ли жизнь быть хуже, чем она может быть?

Может ли предательство превзойти само себя?

Если вы считаете, что жизнь не удалась,
эта книга убедит вас в обратном и научит ценить
жизнь.

ГЛАВА 1

Уходящая душа

Все утро лил тяжелый суровый дождь, небо заволочло серыми тучами. В окне зияла бесчувственная злая пустота, сковывающая все вокруг. Эта пустота была повсюду: даже люди, идущие по улице, сливались в одну серую массу. Им было все равно, что происходит, и они просто шли по своим делам, сливаясь в единый поток.

Мне никогда не было так плохо, как в это осеннее утро. Я просто сидела на кровати, мои глаза повторяли за серыми облаками: из них не переставая текли слезы горькой утраты. Я уже не знала, что где-то за облаками есть просвет, яркий и солнечный...

Вчера я похоронила своего любимого кота. Две недели это беззащитное существо боролось за жизнь, хватаясь за соломинку над пропастью. Я пыталась спасти моего Монти, но все было тщетно. Он умирал у меня на руках, задыхаясь в тяжелых хриплых муках, несмотря на то что его пытались вылечить самые опытные ветеринары. Ну кому понадобилось так жестоко лишить жизни невинное создание, отравить сильным ядом? Ведь мы никому ничего не сделали. Если бы я тогда отогнала его от этого злополучного куска колбасы, мой кот был бы жив и здоров.

Сейчас мне было просто все равно. Я лежала целый день начиная с утра, так и не съев ничего из того, что было на поминальном столе. Мне казалось, вот сейчас

Монти, как обычно, начнет ходить по кровати и впи-ваться коготками в одеяло, чтобы разбудить свою ленивую хозяйку. Он не шел, и я знала, что этого больше никогда не будет. Я снова зарыдала в голос, упав лицом в подушку. И так прошел целый день. Вечером мать пришла с работы и, сразу зайдя ко мне в комнату, проговорила ледяным тоном:

— Хватит реветь. Посмотри, на кого ты похожа. Почему в холодильнике до сих пор ничего не съедено? Ты совсем с ума сошла, что ли? Хочешь сдохнуть, как твой кот? А впрочем, толку от тебя все равно ноль, делай что хочешь, — заключила она, хлопнув дверью.

Я снова осталась одна в моей холодной комнате. «Последние две недели ты мурчал, мой котенька, согревал меня, хоть тебе и было плохо, а теперь тебя нет. Ведь роднее у меня никого не было и уже не будет...» — заливаясь водопадом слез, шептала я про себя, пока не провалилась в долгий глубокий сон.

Ко мне на кровать прыгнул мой кот и тут же начал тереться мордочкой о мою голову, а затем коснулся лапой лица, лизнул мне шею и прилег рядом, громко мурлыча. Стало тепло, словно на кровать упали горячие лучи солнца, лаская мое тело. Нам было хорошо вместе, и нам больше никто не был нужен. Но вдруг стало холодать. Я дотронулась до кота, но его пушистое тело было настолько ледяным, что я вскрикнула.

В ужасе я подскочила на кровати в холодном поту и поняла, что мне приснился страшный сон. Уже пришла ночь. Я только что осознала, что потеряла самое дорогое в жизни. «Прощай, мой котик...» — сорвалось с моих губ.

ГЛАВА 2

Побег

Наступило утро. Наконец-то дождь перестал, но небо по-прежнему было затянуто густыми тучами. Из недр квартиры раздавались какие-то приглушенные голоса. Чтобы расслышать слова, я поднялась с кровати и приоткрыла дверь. И тут я почувствовала, как страшно хочу есть. Это добавило мне уверенности в том, что надо выйти из комнаты, узнать, что происходит, а заодно и перекусить. Чем больше я приближалась к кухне, тем четче становились эти голоса. Кроме того, чувствовался запах табака. Скорее всего, к матери пришел ее очередной ухажер, и они, как обычно, сидят на кухне, курят и о чем-то возбужденно болтают.

Вот я стою почти у самой двери, ведущей на кухню, прислонившись к ней ухом, и пытаюсь хоть что-то услышать из беседы:

— Галюнь, и что теперь делать?.. — прогундосил мужской голос.

— А ничего! — бросил визгливый голос матери. — Узнает, так узнает..

— Все-таки жалко кошака... Может, не надо было так... ну... как таракана, его травить? — продолжил бубнить мужик.

— А как надо?! Продолжать терпеть этого гниденыша?! — взвизгнула мать. — Ну уж нет! Хватит с меня!

— Мда... Ну ты и живодерка, Галка. Лишила дочу любимого звереныша.

— Ничего, переживет! Все равно бы сдох рано или поздно!

Не в силах больше слушать их беседу, я ворвалась в кухню, встав прямо возле стола, за которым они сидели. Мать тут же затушила сигарету о пепельницу, а ее любовник так и застыл с папиросой в руке. Оба уставились на меня, раскрыв рты.

— Ну, чего смолкли?!

— Ну... мы... это... — забормотал Тоха.

— Замолкни! — рывкнула Галина и, без всякого сожаления взглянув на меня, заговорила спокойным, но жестким голосом: — Чего тебе? Зачем так вриваешься? Не видишь, мы разговариваем?

— Ты... ты убила Монти?.. — сорвалось у меня с языка. — Но зачем?.. Что он сделал... тебе?.. — Я почувствовала, как слезы заливают мои щеки.

— Думаю, ты уже все слышала, — тут же ответила мать. — Ну раз уж ты спросила, значит, до твоего уха еще не долетело-таки... — вздохнула она и продолжила с гнусной улыбочкой на лице: — Да, я его траванула, как мелкого противного таракана! Вот!

Слезы внезапно высохли. Теперь у меня дрожали ноги — то ли от гнева, то ли от ужаса. Я сжала кулаки. Мое лицо залилось свинцовой краской, мною овладел острый приступ ярости, какого у меня никогда не было. А эта тварь продолжала смотреть на меня и улыбалась. Сволочь... Мне хотелось закричать, но изо рта вырвался лишь глухой хрип.

— Ритуля... — подал голос Тоха. — Та не горюй ты!.. Я куплю тебе другого котейку!..

— Я тебе куплю, урод! — бросила вслед за ним Галина. — Там же окажется, что и этот!

Чтобы больше не слышать эти ненавистные голоса, я закрыла уши руками и зажмурила глаза. Но это мне не помогло — я все равно слышала мать и ее мужика. Не разжимая уши, я заорала:

— Ненавижу! Ненавижу вас! Пропадите вы пропадом! Ты... — обратилась я к матери, понизив голос, — убийца... Проклятая убийца! — снова заорала я. — Чтоб ты сама сдохла и удавилась со своим хахалем вонючим!

Я еще продолжала орать, не замечая ничего вокруг. А в ответ стояла тишина. Не обращая внимания на мать-убийцу и Тоху, я выбежала из кухни и ринулась в свою комнату.

Я тут же приняла решение: надо бежать отсюда. Не могу я здесь больше оставаться. Пусть даже она моя мать, все равно я ее никогда не прощу за то, что она совершила такой страшный поступок. Теперь эта женщина для меня навсегда останется чужой. Однако я понимала, что идти мне некуда. Что ж, как-нибудь выкарабкаюсь, но жить с убийцей под одной крышей я больше не намерена. С этими мыслями я быстро собрала в дорожную сумку все необходимое. В копилке оставалась какая-то сумма денег, накопленная за несколько месяцев. Этого вполне хватит на несколько дней на еду и на воду. Полностью собравшись, я еще раз осмотрела внимательно комнату и поспешила к выходу. Тихо обрадовавшись тому, что меня не видят, я прошмыгнула в прихожую, натянула сапоги и куртку и выскочила, не захлопнув дверь. До меня донеслись обрывки выкриков матери:

— Катись! Попутного ветра, ублюдина!..

Выбежав из подъезда, я понимала, что дороги назад уже не будет. Еще раз посмотрев на окна своей квартиры, я двинулась — куда глаза глядят. У меня не было

ни друзей, ни подруг, к кому бы я могла пойти переночевать. И в эту минуту я очень пожалела о том, что перессорилась с университетскими приятелями из-за своего скверного характера. Но надо было что-то предпринимать. А пока я только бежала и бежала, не зная куда, пока не выбежала на дорогу, ведущую в парк, заросший желто-красными деревьями. Я прошла вперед по широкой аллее. Что удивительно — людей там не было вообще. «Жутковатое местечко... — протянула я про себя. — И куда все подевались?» Я еще немного прошла вперед. В животе мучительно крутило от голода, но ни кафе, ни магазинов поблизости не было.

— Девочка! Хочешь пирожок? — проскрипел старушечий голос.

Я оглянулась и увидела коренастую, но слегка полноватую старушку в коричневом платочке, сидящую за лотком с пирожками. Она смотрела на меня светло-голубыми глазами, уже давно выцветшими, и тепло улыбалась уголками губ. И было в этой улыбке что-то родное и в то же время чуждое и непривычное для меня. Это была совершенно посторонняя женщина, но я едва сдерживала себя, чтобы не вылить на нее поток своих переживаний.

Так и не вымолвив ни слова, я лишь купила несколько пирожков и пошла искать место, где бы посидеть и перекусить.

Кругом были пустые скамейки, но мне почему-то ни одна из них не нравилась. Я усмехнулась этому странному чувству. Вроде бы что тут такого: садись на любую и сиди. И какая разница где? Везде одинаково: все те же осенние деревья, все та же тускнеющая зеленая трава под ногами, но все равно почему-то я не села ни на одну из скамеек. Решив пройтись еще дальше,

я заметила вдали одинокую скамью на отшибе парка. Вот куда мне нужно! Я ускорила шаг и решительно направилась туда. Усевшись и вздохнув, я достала из пакета пирожок и принялась со зверским аппетитом уминать его. Как же все-таки хорошо здесь!..

За поеданием пирожков я не заметила, как ко мне приблизился парень неопределенного возраста, одет он был во все черное: кожаная куртка и такие же кожаные штаны. Черные, вьющиеся растрепанные волосы почти касались плеч. Темно-карие глаза смотрели зло и хмуро. Я поежилась и вросла в скамейку от его взгляда.

— Слышь, малявка, ты тут долго еще жрать будешь? — спросил он грубым хриплым голосом.

— Сколько надо, столько и буду, — ответила я, стараясь не показывать ему свой страх.

— Так... я долго ждать не намерен. Скатывайся отсюда, здесь мое место! — заявил он.

— А где написано, что это ваше место? — спросила я, придав своему голосу смелости. — Я вот что-то не вижу надписи: «Здесь мое место». Так откуда же мне знать, что здесь ваше место?

— Теперь знаешь. Вали давай и пирожки свои не забудь.

— А если не сваю?

— Тебе же хуже будет.

— Ой-ой... Как страшно!.. — произнесла я с ехидством и добавила, понизив голос: — Ну приберите меня тогда, что ли! Мне все равно терять нечего.

Лицо парня резко переменялось. Он посмотрел на меня не то с усмешкой, не то с любопытством, а затем спросил:

— Чего так?

— Да не стоит оно того...